

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-51

Научная статья / Research paper

Е.В. Романова*

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ/СССР
И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются образование Советского государства и его место в системе европейских отношений в первой половине 1920-х годов в контексте изменений в принципах межгосударственного взаимодействия, характере экономических взаимосвязей между странами, а также в условиях геополитических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. В первом разделе проанализированы политико-идеологические аспекты отношений Советской России/СССР с западными странами. Автор заключает, что при большом значении идеологического конфликта в развитии сложившейся по итогам Первой мировой войны системы международных отношений сохранение противоречий между побежденными и победителями, а также в рядах победивших государств приводило к тому, что даже в условиях пребывания у власти большевиков мысль о рассмотрении Советской России как ситуативного партнера допускалась в политических и военных кругах западных стран. Важным фактором, обусловившим различие в восприятии западными государственными деятелями значимости идеологического конфликта с Советской Россией, а затем и с СССР, были разные оценки перспектив эволюции советского режима и степени приверженности советского руководства проведению внешней политики

* Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

на классовой основе. Второй раздел статьи посвящен оценке места Советского государства в планах реконструкции европейской экономики после Первой мировой войны. Если крупнейшие европейские страны, прежде всего Великобритания и Германия, были заинтересованы в вовлечении СССР в торгово-экономические взаимосвязи, открывавшем перспективу использования его ресурсов для восстановления собственных экономик, а в случае Великобритании — и довоенной системы международных обменов, а также в эволюции советского строя в направлении капитализма, то советское руководство рассматривало доступ к европейскому рынку в качестве необходимого условия индустриализации страны, которая была призвана стать залогом ее выживания во враждебном капиталистическом окружении. Выдвинув в ходе революции проект трансформации всей системы международных отношений, Советская Россия была не в силах его осуществить и превращалась в державу статус-кво. Вместе с тем восприятие, часто небезосновательное, враждебности со стороны западного мира, стремление сохранить свой уникальный социально-экономический строй удерживали Москву от попыток сколько-нибудь глубокой интеграции с существовавшей на тот момент Версальской системой. Руководство стран Запада при всех различиях своей политики на восточноевропейском направлении, разочаровавшись в перспективах эволюции советского режима, несмотря на юридическое признание СССР, демонстрировало отчужденность по отношению к нему. Невозможность предсказать путь дальнейшего развития СССР и в полной мере контролировать ситуацию в Восточной Европе, а также определенное разочарование в результатах экономического взаимодействия стали важными факторами, побудившими ведущую из европейских держав — Великобританию — встать на путь разработки системы европейской безопасности без СССР, что воплотилось в Локарнских соглашениях 1925 г.

Ключевые слова: образование СССР, внешняя политика СССР, Версальская система, мирное сосуществование, советско-английские отношения, советско-германские отношения.

Для цитирования: Романова Е.В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 11–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-52.

Ekaterina V. Romanova

**SOVIET RUSSIA/THE USSR AND TRANSFORMATION
OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM
IN THE FIRST HALF OF THE 1920S**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper examines the formation of the Soviet state and its place within the European international relations system in the first half of the 1920s both in the context of new principles of interstate interaction, the character of economic relations between countries, and geopolitical transformations triggered by the First World War. The first section covers the political and ideological aspects of relations between Soviet Russia/the USSR and Western countries. The author shows that, despite the prominence of ideological conflict in the development of the IR system that emerged after the First World War, continuous tensions both between the defeated and the victors and among the latter urged the political and military elites of Western states to consider the Soviet Russia as a situational partner even under the Bolsheviks rule. The difference in the assessments of the ideological conflict with Soviet Russia, and then with the USSR by Western statesmen stemmed from the difference in their assessments of the prospects for the evolution of the Soviet regime, as well as of the commitment of the Soviet leaders to the idea of the world revolution. The second section of the paper focuses on the role that was assigned to the Soviet state in various plans for the European economy reconstruction after the First World War. While the largest European states, Great Britain and Germany in particular, were interested in involving the Soviet state in the system of trade and economic relations (to get access to its resources in order to restore their own economies, and to open up the prospect of transforming the Soviet system towards capitalism), the Soviet leaders considered access to the European market as a necessary condition for the industrialization which was seen as the key to survival of the first socialist state in a hostile capitalist environment. In this regard the author notes that although Soviet Russia advocated for the revolutionary transformation of the entire IR system, she was unable to enforce it and eventually turned into a status quo power. However, the awareness of hostility by the Western world and the desire to preserve its unique socio-economic order, kept Moscow from attempts to integrate deeply into the Versailles system. In turn, the Western leaders, for all the differences in their approaches towards the Eastern European region and despite de facto recognition of the USSR demonstrated the growing alienation towards the Soviet regime as they became disillusioned with the prospects for its possible transition. This inability to predict the future development of the USSR,

as well as to control the situation in Eastern Europe in general were among the factors that instigated the leading European power — Great Britain — to devise a scheme of the European security system without the USSR, which was embodied in the Locarno agreements of 1925.

Keywords: formation of the USSR, Soviet foreign policy, Versailles system, peaceful coexistence, Anglo-Soviet relations, Soviet-German relations

About the author: *Ekaterina V. Romanova* — PhD (History), Associate Professor at the Department of Modern and Contemporary History, Lomonosov Moscow State University, Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University 'Preservation of the World Cultural and Historical Heritage' (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

Acknowledgement: the research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria, project No. 20-59-18007.

For citation: Romanova E.V. 2022. Soviet Russia/the USSR and transformation of the international relations system in the first half of the 1920s. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 11–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-52. (In Russ.)

Образование Советского Союза, рассматриваемое некоторыми историками как завершающий акт Великой русской революции [Всемирная история, 2017: 370–371], стало важной составляющей трансформации системы международных отношений в середине 1910-х — первой половине 1920-х годов. В последние десятилетия на фоне крушения биполярности и потрясений, связанных с выстраиванием нового миропорядка, проблема кардинальных сдвигов в международных системах привлекает всё большее внимание исследователей. Она поднята и в ряде работ, вышедших в связи со 100-летней годовщиной начала Первой мировой войны [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014; Mulligan, 2014; Tooze, 2014], которая стала, по хрестоматийному выражению Дж. Кеннана, «исходной катастрофой» XX века [Kennan, 1979: 3]. Признавая несомненным факт трансформации международной системы, исследователи вместе с тем по-разному трактуют суть происходивших в ней кардинальных изменений и отводят разное место Русской революции и образованию первого в мире социалистического государства в этом процессе.

В советской историографии на протяжении долгого времени господствовала концепция «общего кризиса капитализма», в основе которой лежали мысли и высказывания В.И. Ленина о неизбежности империалистических войн в условиях перехода капитализма в монополистическую стадию и о мировой социалистической революции как средстве окончательного разрешения противоречий капиталистического общества [Ленин, 1969]. Ослабление капитализма и расширение мировой системы социализма рассматривались в качестве основного содержания переходной эпохи, начало которой было положено Октябрьской революцией [Драгилев, 1957]. Сложившаяся в результате Второй мировой войны биполярность стала выражением антагонизма капиталистического и социалистического миров на уровне системы международных отношений.

Значение Октябрьской революции для судеб XX столетия признавал британский историк-марксист Э. Хобсбаум, связывая верхнюю хронологическую рамку этой «эпохи крайностей» с распадом Советского Союза. Выдвинувшая альтернативу капитализму, Октябрьская революция, с точки зрения исследователя, в значительной степени повлияла на развитие западного общества, особенно в послевоенный период, побудила его к самореформированию, принятию на вооружение методик планирования экономики, делавшего ее более устойчивой [Hobsbawm, 1995: 7–8]. Не обошел вниманием британский историк и воздействие создания первого в мире социалистического государства на кризис колониальной системы и определение путей модернизации отсталых аграрных стран. А международная политика «короткого XX века» со времени Октябрьской революции, за исключением периода 1933–1945 гг., по мнению Э. Хобсбаума, «может лучше всего быть понята как вековая борьба сил старого порядка против социальной революции, которая, как считалось, воплощается в судьбах Советского Союза и международного коммунизма, связана с ними или зависима от них» [Hobsbawm, 1995: 56]. Вместе с тем Э. Хобсбаум отмечал, что уже к 1980-м годам подобный образ мировой политики как дуэли двух систем всё дальше отходил от реальности [Hobsbawm, 1995: 56].

Ряд современных исследователей выражают обоснованное сомнение и в том, что этот образ применим к межвоенному периоду. Так, в интерпретации М. Мазовера, в то время основной вызов либеральному капитализму исходил от фашизма, а не от мирового коммунизма [Mazower, 1999]. Британский историк А. Туз, автор

книги «Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931», в которой большое внимание уделяется 1920-м годам, видит в потрясениях Первой мировой войны истоки не биполярности, а рождения Pax Americana, прослеживая параллели между реалиями 1919 г. и «однополярным моментом» 1989 г. [Туз, 2019: 30].

Подобно работе А. Туза, в центре внимания книги ирландского исследователя У. Маллигана — становление новой системы международных отношений в результате Первой мировой войны. Двух авторов сближает и то, что они оба усматривают в истории послевоенного урегулирования истоки либерального проекта организации системы международных отношений. В то же время У. Маллиган в меньшей степени сосредоточивает внимание на положении и политике США, концентрируясь преимущественно на рассмотрении новых принципов организации международной системы, функционировавших в ней институтов и практик межгосударственного взаимодействия. В его трактовке суть начавшейся еще накануне Первой мировой войны трансформации состояла в переходе «от европейского порядка великих держав-империй к глобальному порядку, основанному на международных институтах, национальных государствах, многосторонних системах безопасности, соглашениях об ограничении и контроле над вооружениями, восстановленной экономической взаимозависимости и транснациональных объединениях» [Mulligan, 2014: 9].

Советский Союз присутствует на страницах обоих исследований, но не выступает в качестве силы, которая оказывала доминирующее влияние на состояние системы международных отношений в 1920-е годы. Этот вывод разделяют и современные российские исследователи. Как замечает Р.А. Сетов, «Россия долгое время не являлась ведущим политическим субъектом в динамике основных событий в международных отношениях» [Сетов, 2019: 22]. Такое заключение, однако, не снимает вопроса о том, каким образом создание первого в мире социалистического государства соотносилось с процессом трансформации системы международных отношений и какие новые характеристики придавало складывавшемуся в результате Первой мировой войны международному порядку.

В современной российской историографии вопрос взаимосвязи Первой мировой войны, Русской революции и становления нового международного порядка был поставлен в коллективной монографии под редакцией А.В. Ревякина «Война, революция, мир. Россия в

международных отношениях. 1915-1925». Он решался в значительной степени через рассмотрение формирования основ советской внешней политики и взаимодействия России, а впоследствии и СССР с отдельными странами Европы, Востока и Америки [Война, революция, мир., 2019]. Опубликованные недавно фундаментальные труды об англо-советских и франко-советских отношениях в конце 1910-х — начале 1920-х годов и монографии, посвященные различным аспектам внешней политики молодого Советского государства [Быстрова, 2016; Враг, противник, союзник? 2021; Сергеев, 2018; Хормач, 2020], также проливают свет на важные аспекты становления и консолидации Версальской системы и место Советского Союза в этом процессе.

На фоне этих исследований автор настоящей статьи ставит своей целью наметить проблемный путь к решению обозначенного вопроса, рассмотрев образование Советского государства и его место в системе международных отношений в контексте изменений в принципах межгосударственного взаимодействия и в характере экономических взаимосвязей между странами, а также в условиях геополитических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. При этом, поскольку система оставалась в значительной степени европоцентричной, основное внимание будет уделено развитию событий в масштабах Европейского континента. В отличие от работ, освещающих процессы трансформации в более широкой временной перспективе, в данной статье автор фокусируется на периоде начала–середины 1920-х годов — времени выхода из войны и революции, в результате которых возникла новая реальность, еще не до конца осознанная государственными деятелями. В эти годы поиска путей приспособления к новым условиям в борьбе альтернатив закладывались те тенденции, которые в дальнейшем во многом определяли характер взаимодействия СССР и стран Запада.

Политико-идеологические аспекты взаимодействия Советского государства и стран Запада в первой половине 1920-х годов

Большинство историков сходятся на том, что одной из отличительных черт системы международных отношений, сложившейся по итогам Первой мировой войны, стало наличие в ней идеологического конфликта. Неслучайно XX век часто называют «веком идеологий». Подобная характеристика порой применяется и к XIX в. Однако если идеологии в XIX в. были прежде всего направлены

на преобразование европейских обществ, то в XX столетии более заметным становилось их обращение к проблеме трансформации также и комплекса отношений между странами, что порой превращало мировую политику в конкуренцию не только государств, но и лелеемых ими проектов организации как внутреннего строя, так и международной системы.

Примечательно, что вопрос о сохранении или отмирании вестфальских принципов организации системы международных отношений, активно обсуждавшийся на рубеже XX–XXI вв., поднимался и значительно раньше — в годы Первой мировой войны и послевоенного урегулирования, а историки противопоставляли этим принципам политику ряда стран в период становления Версальского порядка. Так, немецкий юрист Карл Шмитт в 1920-е годы обвинял США и в какой-то степени Великобританию в стремлении к доминированию посредством насаждения выгодных им принципов международного права и создания институтов, которые подрывали вестфальский суверенитет [Schmitt, 1940a, 1940b]. С точки зрения уже упомянутого современного исследователя А. Туза, коалиция победителей вынашивала идею организации мира вокруг единственного силового блока и «общего набора либеральных “западных” ценностей». Он называет архитекторов нового порядка революционерами, которые пытались разрушить возведенную Вестфальским миром стену, разделявшую внутреннюю и внешнюю политику [Туз, 2019: 28–30]. В то же время известный американский историк и дипломат Дж. Кеннан политику большевиков считал насмешкой над всей западной теорией международных отношений, развивавшейся в XVII–XIX вв. Отрицание легитимности буржуазных правительств, стремление к их подрыву противоречили идеям суверенитета и невмешательства во внутренние дела [Kennan, 1961: 188]. В определенной степени справедлива и та, и другая точка зрения [Mauey, 1963: 372, 393]. Именно универсализм выдвинутых В. Вильсоном и В.И. Лениным на завершающей стадии Первой мировой войны проектов позволяет усматривать в событиях 1917–1918 гг. истоки холодной войны, представлявшей собой конкуренцию двух социально-экономических и политических систем.

Революционность идей В. Вильсона и, очевидно, еще большая степень революционности взглядов большевиков на международные отношения в значительной степени могут быть объяснены тем, что США только вступали на арену большой мировой политики и

не имели прочных связей с существовавшей системой, а Советская Россия изначально позиционировала себя как антисистемная сила [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 448–449]. В то же время некоторый подрыв вестфальских принципов и запрос на универсализм были подготовлены самой войной в Европе, принявшей характер войны на уничтожение противника, близкой к тотальной, стиравшей грань между внутригосударственной и международной сферами и не предполагавшей уважение к принципу суверенитета. Как справедливо замечает У. Маллиган, идеи и В. Вильсона, и В.И. Ленина были в большой степени реакцией на общественные настроения в Европе и имели значительный резонанс именно в силу того, что легли на подготовленную почву [Mulligan, 2014: 375]. Вместе с тем очевидно, что ни один из универсалистских проектов, рожденных на исходе Первой мировой войны, не был воплощен в жизнь. Выдвижение новых принципов политики не означало отсутствия преемственности со старой системой. На вопрос о том, как идеология влияла на характер межгосударственных отношений, в первую очередь отношений Советской России с западными державами, по-разному отвечали как современники, так и историки.

На значение идеологии обращают внимание ряд исследователей. Американские историки Д. Дэвис и Ю. Трани назвали период с августа 1920 г. по ноябрь 1933 г. «первой холодной войной», которую Соединенные Штаты вели против Советской России [Davis, Trany, 2002: 175]. С их точки зрения, политика непризнания и «карантина», получившая обоснование в ноте от 10 августа 1920 г., составленной госсекретарем Б. Колби в ответ на запрос итальянского посла о позиции США в связи со сложившейся в советско-польских отношениях ситуацией, стала предтечей политики сдерживания, принятой Соединенными Штатами Америки после Второй мировой войны [Davis, Trany, 2002: 203]. По мнению канадского историка М. Карли, «великая идеологическая борьба» между Западом и Советской Россией началась уже в 1917 г., на следующий день после захвата большевиками власти в Петрограде, а истоки сдерживания прослеживаются во французской политике «санитарного кордона» [Carley, 2000; Carley, 2014: 18–20].

Во многих высказываниях западных государственных деятелей и дипломатов можно найти подтверждение идейного неприятия установившегося в России большевистского режима. Одно из наиболее ярких принадлежит британскому поверенному в делах в

России Ф.О. Линдли, писавшему осенью 1918 г. министру иностранных дел А. Бальфуру о невозможности сосуществования в рамках одной системы «правительства, одушевленного большевистскими идеями, и правительств, организованных на национальной основе». «Рано или поздно мы должны будем свергнуть большевистский режим или подчиниться ему сами», — делал вывод британский дипломат¹. Британский историк, активно сотрудничавший с Форин офис, А. Тойнби в обзоре международных событий за 1924 г. утверждал, что «коммунизм <...> вверг Россию в состояние войны с господствующей цивилизацией нашего времени» (*the predominant civilization of the age*)².

Вместе с тем в обоснование принятого в отношении большевистского правительства курса западные политики часто ссылались на вестфальские принципы. Так, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж объяснял изначальное непризнание советского правительства тем, что оно не контролировало всю территорию государства, а не теми принципами, которые оно исповедовало в вопросах государственного устройства [Война, революция, мир, 2019: 116–117]. В то же время четко разграничить сферы внутренней и внешней политики не представлялось возможным. Как сказал французский министр иностранных дел в ноябре 1918 г., «вопрос большевизма перестал быть только русским делом, это международная проблема» [цит. по: Carley, 2000: 1276]. В упомянутой выше американской ноте Б. Колби задолго до Дж. Кеннана, по сути, обвинял советское правительство в несоблюдении вестфальских принципов, хотя и не употреблял этого термина. Он связывал невозможность для администрации Соединенных Штатов признать Советскую Россию не с установленной в ней политической и общественной системой, а с отрицанием пришедшими к власти большевиками принципов международного права, с их отказом от соблюдения договорных обязательств, нацеленностью на ведение революционной пропаганды и поощрение движений, призванных в конечном счете уничтожить правительства других держав, и, наконец, с деятельностью Третьего интернационала³. К сходным аргументам апеллировали противники

¹ Lindley to Balfour, 6 Dec 1918 // The National Archives (TNA). FO 800/205. f. 435.

² Toynbee A.J. Survey of international affairs 1924. 2nd Imp. London: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1928. P. 169.

³ Text of Secretary Colby's Note on Russia and Poland // The New York Times. 11.08.1920. P. 1–2.

установления торговых или дипломатических отношений с Советской Россией в европейских державах.

Нельзя отрицать определенную преемственность в восприятии странами Запада Советской России в период после Октябрьской революции и СССР в годы холодной войны. Однако ситуацию 1920-х годов от реалий эпохи биполярности отличало распределение мощи в системе. Несмотря на существование идеологического конфликта, система в межвоенный период оставалась многополярной, идеальная модель которой предполагает рассмотрение каждым государством другого и как потенциального противника, и как потенциального партнера [Deutsch, Singer, 1964]. Реальность не всегда укладывается в политологические схемы, но представляется, что этот принцип функционирования многополярности, выведенный специалистами по теории международных отношений, до некоторой степени сохранял свое действие в 1920-е годы.

Октябрьская революция и последующая консолидация Советского государства не могли в полной мере затмить ни конфликт между побежденными и победителями в Первой мировой войне, ни противоречия в рядах победивших государств. Даже в условиях пребывания у власти большевиков мысль о рассмотрении Советской России как ситуативного партнера допускалась в политических и военных кругах западных стран. Так, в период Рурского кризиса директор управления политических дел МИД Франции Э. Перетти де ла Рокка настаивал на том, чтобы «вернуться к политике Антанты с Россией как можно скорее» [цит. по: Carley, 2000: 1278].

В то же время экономическая и военная слабость СССР вкупе с восприятием угрозы идеологии пролетарского интернационализма ограничивала возможности партнерства. Так, по мнению президента Франции А. Мильерана, высказанному им в апреле 1923 г., с утвердившейся в России анархией нельзя было иметь никаких дел [Магадеев, 2021: 345]. Показательно и то, как за несколько лет до Рурского кризиса, летом 1920 г., в условиях наступления Красной армии в ходе советско-польской войны командующий сухопутными войсками рейхсвера генерал-лейтенант Г. фон Сект реагировал на высказываемые в Германии мысли о возможности сотрудничества с Россией против Антанты. Он полагал, что, с одной стороны, очевидно преувеличенными, в глазах приверженцев такой политики, являлись представления о масштабах военной поддержки, которую Россия могла оказать Веймарской республике, а с другой — непри-

емлемой была бы цена такой помощи — утверждение большевизма в Германии. Не отрицая возможности экономического сотрудничества с Советской Россией, Г. фон Сект считал необходимым иметь с ней дело как «с закрытым государством» и «самым решительным образом отвергнуть международный большевизм»⁴. В другом месте он писал о необходимости рассматривать Россию с двух сторон: как «политическую Россию, которая служила германской выгоде, и как Советскую Россию, которую следовало воспринимать как представляющую опасность» [цит. по: Smith, 1956: 125].

Справедливости ради, необходимо отметить, что в то время среди офицеров Веймарской республики раздавались голоса и тех, кто готов был выступить в поддержку Польши в случае, если бы страны Антанты пообещали Германии возврат к границам 1914 г. (за возможным исключением Эльзаса-Лотарингии и части Шлезвига), поставки продовольствия и сырья, доступ к кредитам, свободу в организации армии⁵. Однако, как следует из этого примера, в данном случае сторонники подобного решения руководствовались политическим расчетом и прагматизмом не в меньшей мере, чем идейным неприятием большевизма.

Одним из факторов, обусловивших различие в восприятии западными государственными деятелями значимости идеологического конфликта с Советской Россией, а затем и с СССР, в первой половине 1920-х годов были разные оценки перспектив эволюции советского режима и степени приверженности советского руководства проведению внешней политики на классовой основе. Так, хорошо известно, что Д. Ллойд Джордж в 1921–1922 гг. возлагал надежды на трансформацию большевистского режима и втягивание, говоря словами характеризовавшего его политику Г.В. Чичерина, Советской России «в семью буржуазных народов»⁶, тогда как многие

⁴ Befehl des Chefs der Heeresleitung Generalleutnant v. Seeckt an die Kommandeure und die Generalstaboffiziere des Reichsheeres über die Gefahren einer Verbindung mit dem Kommunismus und der Sowjetunion, 31. Juli 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920–1922 / bearb. von H. Hürten. Düsseldorf: Droste, 1979. S. 213.

⁵ Aufzeichnung des Majors Frhr. v. Fritsch über die innere und äussere Lage des Deutschen Reiches. 28. März 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. S. 103.

⁶ Чичерин — Ленину, 13 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Переписка Чичерина с Лениным по вопросам подготовки к Генуэзской конференции. 07.01.1922 — 17.03.1922. Л. 15. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

из оппонентов британского премьер-министра считали такие прогнозы нереалистичными⁷.

Советская внешняя политика в этот период находилась в стадии становления, при столкновении теории с международной реальностью путем проб и ошибок вырабатывался внешнеполитический курс нового государства. Изначально ему была присуща определенная двойственность: идея мировой революции сосуществовала с мыслью о необходимости обеспечить, «хотя бы на ограниченное время, мирные условия дальнейшего существования возникшего строя» [Нежинский, 2004: 21]. Публикация тайных договоров, заключенных в годы Первой мировой войны, национализация иностранной собственности, отказ от выполнения долговых обязательств демонстрировали нацеленность на разрыв с капиталистическим миром. Сама возможность преодоления войн связывалась большевиками с осуществлением мировой революции. В то же время советское правительство не отказывалось от переговоров с западными странами, пыталось лавировать между враждовавшими группировками на завершающей стадии войны, а В.И. Ленин делал осторожные заявления о перспективах мировой революции.

Тенденция к мирному сосуществованию с капиталистическими странами более явно обозначилась в 1921 г., в условиях поражения в советско-польской войне, спада революционного движения на Западе и кризиса внутри страны, с которым столкнулось советское правительство. Идея мировой революции не исчезала из внешнеполитической концепции, однако ее реализация откладывалась на неопределенную перспективу. Приоритетом становились сохранение и укрепление Советского государства как залога будущей всеобщей революции, а это требовало нормализации отношений с европейскими странами. С точки зрения профессора Калифорнийского университета Дж. Джейкобсона, политика большевиков в 1920-е годы была направлена на «институционализацию» Октябрьской революции в Европе и одновременно ее «интернационализацию» в Азии [Jacobson, 1994: 6]. Действительно, если посредством заключенных в первой половине 1920-х годов с европейскими странами соглашений Советская Россия хотя бы частично встраивалась в

⁷ См., например, информацию о выступлении У. Черчилля в дискуссионном клубе Оксфордского университета: *The Times*. 19.11.1920; Curzon to Churchill, 30 Dec. 1921 // TNA. FO 800/157. Ff. 89–90.

существовавший порядок, то ее договоры со странами Азии шли вразрез с системой европейского доминирования на Востоке.

Возвращаясь к приведенной выше характеристике трансформации в сфере международных отношений У. Маллигана, можно сказать, что советская политика на Востоке находилась в русле тенденции отхода от европоцентричного имперского порядка. Как апелляция к «принципу национальностей» в общественном дискурсе и политике стран Антанты в годы Первой мировой войны была направлена на подрыв противостоявших европейских империй, так указанием на равноправие народов Азии и признанием их права на независимость Советская Россия, а затем и СССР подрывали имперский принцип организации периферии системы.

Так, в советско-персидском договоре 1921 г. декларировались признание суверенитета Персии, отказ от вмешательства в ее внутренние дела, клеймилась «политика правительств царской России, которые без согласия народов Азии и под видом обеспечения независимости этих народов заключали с другими государствами Европы относительно Востока договоры, имевшие конечную целью его постепенный захват». Для советского правительства были неприемлемы инструменты «колониальной политики капитализма», служившие закабалению народов Азии⁸. Как «вполне самостоятельную, чрезвычайно важную и, может быть, даже важнейшую область <...> международной деятельности» советского правительства характеризовал его восточную политику Г.В. Чичерин [цит. по: Нежинский, 2004: 90].

Большое значение склонны были ей придавать и многие западные, прежде всего британские, наблюдатели. Например, офицер разведки, находившийся на службе в Министерстве по делам Индии, майор Н.Н.Э. Брэй усматривал в статье советско-турецкого договора, «признающей независимость всех восточных народов», очевидную направленность против британских интересов в Индии⁹. По всей

⁸ Договор между Российской Советской Социалистической Республикой и Персией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М.: б.и., 1944. С. 970–975.

⁹ Interdepartmental Committee on Bolshevik anti-British activity, Minutes, 1 July 1921 // British Documents on Foreign Affairs. Reports and papers from the Foreign Office Confidential Print / Ed. by Kenneth Bourne, D. Cameron Watt. Part II. From the First to the Second World War. Series A. The Soviet Union 1917–1939 / Ed. by D. Lieven. Vol. 5. Soviet Russia and her neighbours, Mar.–Oct. 1921. Frederick, Md.: University Publications of America, Inc., 1984. No. 170. P. 180.

вероятности, речь шла о четвертой статье документа, гласившей, что «обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям»¹⁰. Годом ранее в записке о ситуации на Ближнем Востоке Н.Н.Э. Брэй характеризовал политику большевиков как поддержку египетских и индийских революционеров, арабов и турецких националистов¹¹.

Упомянутый ранее Ф. Линдли, возглавивший в 1920 г. британскую миссию в Вене, указывал в письме Дж. Кёрзону на «большое значение, которое Москва придавала подрыву британских позиций на Востоке»¹². В подтверждение своего взгляда на политику советского правительства он прилагал к письму меморандум хорошо знавшего как Россию, так и Восток О.Р. фон Нидермайера, утверждавшего, что после провала надежд на революцию в Германии большевистское руководство сосредоточилось на задаче «слома непоколебимой мощи британского империализма». Особое внимание информант британского дипломата уделял поддержке Советской Россией революционных событий в Бухаре в стремлении «водрузить красное знамя на границах Афганистана». Он призывал опасаться попыток коммунистического проникновения в Китай и Корею. Показательна, с точки зрения восприятия политики Советской России в западных кругах, заключительная фраза меморандума О.Р. фон Нидермайера: «...когда коммунизм преуспее в вооружении России и ее экономическом возрождении, тогда Красная Россия в ее способности к экспансии и агрессивности станет более ужасной, чем Россия царя»¹³. Таким образом, в некоторых западных кругах большевиков воспринимали и как разорвавших с прежними традициями носителей новой, неприемлемой для капиталистических стран идеологии, и как

¹⁰ Договор между Россией и Турцией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. С. 976–979.

¹¹ 'Situation in Middle East', Note by Major Bray, political intelligence officer, attached to India Office, 18 Nov. 1920 // Qatar Digital Library. Available at: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000833.0x000360 (accessed: 30.06.2022).

¹² Lindley to Curzon, 10 May 1921 // British Documents on Foreign Affairs. Vol. 5. No. 103. P. 105.

¹³ Memorandum by Dr Niedermayer, n.d. // Ibid. No. 104. P. 105–107.

в некоторой степени наследников политики прежней России, в первую очередь в ее противостоянии с Великобританией на Востоке.

Примером такого восприятия служит упомянутый обзор международных событий за 1924 г., составленный А. Тойнби, который видел в советской риторике в отношении стран Востока во многом новый инструмент для проведения традиционной политики Российской империи. При этом историк замечал, что Советская Россия получала пропагандистское преимущество и симпатии местного населения, которые в довоенную эпоху соперничества с царской Россией были на стороне ее противников, успешно представлявших ее в роли агрессора¹⁴. Трактую подобным образом политику большевиков на Востоке, А. Тойнби в то же время был далек от утверждения, что «миссионерская религия», как он характеризовал коммунизм, поставлена на службу государственным интересам. Он считал, что в конфликте Г.В. Чичерина и Г.Е. Зиновьева, первый из которых представлял на страницах обзора воплощением традиционной дипломатии, а второй — идей Третьего интернационала, исход был отнюдь не предопределен¹⁵. Вместе с тем оценка А. Тойнби показывает некоторую условность тезиса о стремлении большевиков к «интернационализации» революции в Азии. Даже сам факт заключенных со странами Востока в начале 1920-х годов договоров, содержавших во многом революционные (поскольку они подрывали традиционную систему европейского господства) положения, свидетельствовал скорее о готовности советского правительства к выстраиванию отношений на межгосударственной основе. Антиимпериалистическая риторика была не только отражением советской идеологии; она соответствовала стремлению советского правительства в условиях еще сохранявшихся очагов Гражданской войны и иностранной интервенции обеспечить стабильность южных рубежей государства¹⁶.

¹⁴ Toynbee A.J. Op. cit. P. 182.

¹⁵ Ibid. P. 183.

¹⁶ О многообразии факторов, влиявших на советскую политику на Востоке, свидетельствует, например, следующая выдержка из письма заместителя наркома по иностранным делам М.М. Литвинова в Политбюро, содержавшая предложения по тактике советской делегации на предстоявшей Генуэзской конференции: «В Европейских вопросах ориентируемся на Англию, идя за соответствующую компенсацию на соглашение с ней даже по восточным вопросам. Нынешние правители восточных стран не являются выразителями национально-освободительных движений, готовы продать себя, интересы своих стран, а нас и подавно» См.: АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Переписка с Политбюро ЦК ВКП (б).

Формировавшееся в западной политической мысли представление о большевиках как о силе, способной возродить великодержавные позиции России, появилось в начале 1920-х годов и в некоторых кругах русских эмигрантов. В отличие от упомянутого О.Р. фон Нидермайера, они смотрели на эту перспективу с оптимизмом. Так, в опубликованном в 1921 г. в Праге сборнике «Смена вех» Н.В. Устрялов писал: «Россия должна остаться великой державой, великим государством <...>. И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг, во имя русской культуры признать ее политический авторитет...»¹⁷. По его словам, «причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни»¹⁸.

С крахом надежд советского руководства на мировую революцию в сколько-нибудь обозримой перспективе курс на консолидацию, укрепление и защиту интересов государства становился более выраженным. В качестве своеобразной иллюстрации нового направления политики можно привести реакцию членов делегации Исполнительного комитета Коминтерна на Берлинской встрече представителей трех интернационалов в апреле 1921 г. на осуждение европейскими социал-демократами действий РСФСР по советизации Грузии: «Если Отто Бауэр, как и Рамзей Макдональд, принципиально выступал против “завоевания” Грузии Советской Россией, то это показывало, что Венское Рабочее Сообщество не в состоянии рассматривать вопросы мировой политики с точки зрения интересов пролетарской революции. Для него любая армия является милитаризмом, служит ли она интересам капитала или мировой революции. Подобно тому, как штык всегда является штыком, каждое нападение для него является нападением, которое должно быть морально осуждено, даже если оно служит защите пролетарского государства от империализма. <...> Для него не существует материальных потребностей революции. Разве представителей категорического императива занимает

21.12.1921 — 21.09.1922. Л. 18. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

¹⁷ Устрялов Н.В. *Patriotica* // Смена вех: Сборник статей. Смоленск: Заводоуправление полиграфической промышленности, 1922. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 51.

вопрос о защите нефтяных источников русской революции?¹⁹ То, что защита нефтяных источников с точки зрения мировой революции может быть категорическим императивом, Отто Бауэру кажется извращением социализма»²⁰. Таким образом, фактически интересы мировой революции приравнивались к интересам государства, оставшегося ее оплотом. Так, Н.В. Устрялов прогнозировал, что «советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции». При этом он отождествлял такую политику с той, которую проводили бы «русские патриоты <...> во имя великой и единой России»²¹. Однако подобное сравнение справедливо лишь отчасти.

Действительно, если после прихода к власти большевики в целях ее сохранения пошли на предоставление национальным окраинам права на самоопределение, таким образом, сняв потенциальные конфликты на национальной почве с повестки дня и сосредоточившись на достижении победы в социально-политическом противостоянии со своими врагами, а вопрос о границах нового государства, как справедливо отмечает Е.О. Обишкина, «решался в прямой зависимости от возможностей установления и удержания советской власти в национальных окраинах, переживавших иностранную интервенцию и Гражданскую войну...» [Война, революция, мир.., 2019: 155], то неудача иностранной интервенции и успехи в Гражданской войне, равно как и приходившее понимание перспективы довольно дли-

¹⁹ Грузия рассматривалась руководителями Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым, позицию которых о необходимости силовых действий по советизации Грузии в конечном счете, хотя и не без сомнений и колебаний, поддержал Кремль, как потенциальный «очаг контрреволюции на Кавказе», а установление там советской власти — как залог сохранения Северного Кавказа и влияния в Азербайджане [Муханов, 2019: 151–157]. Апелляция к необходимости защиты нефтяных источников Русской революции связана с тем, что советизацию Грузии ряд большевистских лидеров, прежде всего Г.К. Орджоникидзе, рассматривали как необходимое условие для сохранения контроля над нефтяными месторождениями Баку. Так, 6 февраля 1921 г. в стремлении побудить центр одобрить наступление частей Красной армии в Грузии Г.К. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Считаю абсолютно необходимым еще раз подчеркнуть надвигающуюся на Бакинский район смертельную опасность, предупредить которую можно лишь немедленным сосредоточением достаточных сил для советизации Грузии» [цит. по: Муханов, 2019: 157–158].

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 86. Л. 65. Доступ: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/organizations//cards/153184/images> (дата обращения: 30.06.2022). См. также: [Ватлин, 2009: 99].

²¹ Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 51.

тельного существования Советской России во враждебном окружении капиталистических стран, поставили вопрос о консолидации государства и четком определении его географических границ.

К окончанию Гражданской войны на территории бывшей Российской империи существовал ряд независимых советских республик, связанных с РСФСР союзными договорами и соглашениями о сотрудничестве²². В 1921 г. очевидным стал взятый руководством РСФСР курс на их объединение. Как отмечалось в «Резолюции X съезда РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе» от 15 марта 1921 г., «ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового империализма» [цит. по: Гросул, 2012: 59]. Вместе с тем принципы строительства единого государства разительно отличались от тех, на которых создавались традиционные империи. В стремлении к объединению лидеры большевиков не могли не считаться с национальными чувствами, разбуженными революцией и Гражданской войной [Motyl, 1990: 85], устремлением руководства республик к сохранению определенной степени самостоятельности в своих действиях и, наконец, не могли отказаться от провозглашенного ими самими принципа национального самоопределения [Нежинский, 1994]. В итоге объединенное государство приняло форму федерации, союза равноправных советских республик, единство которых обеспечивалось как господствовавшим в них советским строем, так и единой партией. Таким образом, принципы, положенные в основу создания Советского Союза, намечали «альтернативный проект мироустройства», а советское государство являло собой прообраз будущей «Всемирной республики советов» [Война, революция, мир..., 2019: 186–192, 489].

В то же время образование СССР прежде всего было призвано решить проблемы текущей политики, вызванные ситуацией как на территории советских республик, так и на международной арене. Важный импульс процессу разработки планов объединения дала подготовка к Генуэзской конференции. Советские государственные деятели говорили о необходимости создания единого дипломатического фронта, были нацелены на то, чтобы предотвратить возможности использования странами Запада уже во многом

²² Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924 / Под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л.: Издательский дом АН СССР, 1949. С. 241–258.

формальной независимости советских республик для того, чтобы посеять между ними противоречия. Г.В. Чичерин писал, что «на конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом. Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом» [цит. по: Нежинский, 1994: 97]²³. В соответствии с этим намерением в преддверии Генуэзской конференции 22 февраля 1922 г. был подписан протокол между РСФСР и Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Бухарой, Грузией, Дальневосточной Республикой, Украиной и Хорезмом о передаче РСФСР представительства этих республик на Генуэзской конференции²⁴. Нарком иностранных дел справедливо расценивал международную ситуацию как благоприятную для того, чтобы вести объединительную политику. Показательно, что британская газета «The Times» отреагировала на подписание прокола лишь краткой заметкой сугубо информативного характера²⁵. Столь же лаконичной была информация о создании СССР²⁶.

События предшествовавших двух лет показали, что даже наиболее сильная из европейских держав, Великобритания, была готова смириться с установлением советской власти на значительной территории бывшей Российской империи. Показательна в этом отношении телеграмма Дж. Кёрзона британскому представителю в Тифлисе полковнику К. Стоксу, отправленная 15 декабря 1920 г.: «Правительство Его Величества небезразлично к судьбе Грузии и решительно поддерживает ее независимость, но бремя других обязательств таково, что оно не может сказать, какую практическую форму примет его участие [к судьбе Грузии]. Мы поэтому можем лишь выразить нашу искреннюю солидарность»²⁷. Настойчивые

²³ О необходимости создания единого фронта советских республик см. также: Сталин — членам Политбюро, 13 января 1922 // АВП РФ Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп.1. Д. 2. П. 1. Переписка с Политбюро ЦК ВКП (б). 21.12.1921 — 21.09.1922. Л. 27. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

²⁴ Образование СССР. Сборник документов. С. 259.

²⁵ The Times. 01.03.1922.

²⁶ The Times. 01.01.1923.

²⁷ Curzon to Stokes, 15 December 1920 // Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / Ed. by R. Butler, J.P.T. Bury, assisted by M.E. Lambert. Series 1. Vol. 12. London: His Majesty Stationary Office, 1962. No. 642. P. 659.

усилия Дж. Кёрзона побудить свое правительство отстаивать Закавказье от натиска большевиков столкнулись с противостоянием как Военного министерства, так и Министерства по делам Индии [Ullman, 1972: 331–339]. В марте 1921 г. британская миссия была эвакуирована из Грузии²⁸.

Задумываясь о территориальных границах Российского государства после Октябрьской революции, британские государственные деятели по-разному оценивали перспективы сохранения в ее составе западных земель. Если в отношении признания независимости Польши и Финляндии в правящих кругах царил консенсус, то судьба других западных окраин вызывала жаркие споры [Война, революция, мир..., 2019: 212–214]. Так, хорошо известно, что в период советско-польской войны, решительно заявив о своей готовности «защищать целостность и независимость Польши в ее законных этнографических границах»²⁹, Лондон, как и Париж, чрезвычайно сдержанно отнесся к стремлению Варшавы, реализованному в итоге в Рижском мире, провести границу значительно дальше на Восток, чем это предполагалось по «линии Кёрзона»³⁰.

Подобная позиция была обусловлена не особыми симпатиями к Советской России, а ее восприятием как потенциально великой державы, ущемление интересов которой могло служить источником нестабильности в будущем. Показательно и то, что признание западными странами независимости прибалтийских республик — Латвии и Эстонии — последовало за соответствующим шагом со стороны России. Это частично снимало опасения западных государств, что республики будут поглощены восточным соседом. В случае их международного признания и вступления в Лигу Наций это поставило бы перед ее членами неудобную проблему защиты их суверенитета³¹.

Признание Великобританией, хотя бы и на уровне риторики, государственных интересов Советской России можно увидеть в

²⁸ Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 12. No. 660–662. P. 671–678.

²⁹ House of Commons Debate 14 July 1920, Statement by Bonar Law. Vol. 131. Col 2373–2374. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/14/proposal-for-armistice> (accessed: 30.06.2022).

³⁰ См., например: Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 552. P. 580–581; No. 592. P. 618–619.

³¹ Memorandum by Mr. Gregory on the attitude of His Majesty's Government towards 'de jure' recognition for Estonia, Latvia and Lithuania. 2 Nov. 1920 // Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 630. P. 653; Toynbee A.J. Survey of international affairs 1920–1923. 2nd Imp. London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1927. P. 241.

тексте англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 г. Правда, будучи продуктом деятельности секретариата Д. Ллойд Джорджа, он вызвал определенное недовольство среди сотрудников Министерства иностранных дел. В преамбуле документа в ответ на обещание Москвы воздерживаться от враждебной деятельности против Великобритании или ее империи в Азии содержалось соответствующее обязательство Лондона, распространявшееся на территорию бывшей Российской империи³².

Таким образом, по словам американского историка Л. Гарднера, Советская Россия де-факто воспринималась как преемник Российской империи, что давало ее правительству право претендовать на законное место в кругу других держав [Gardner, 1987: 330]. Вместе с тем в тексте соглашения прослеживалась та же мысль, которую в июле 1920 г. высказывал германский генерал Г. фон Сект, — о возможности взаимодействовать с РСФСР на условиях ее отказа от интернационализации советского опыта.

Советская Россия в планах экономической реконструкции Европы

Важной сферой, в которой обе стороны ощущали необходимость взаимодействия, являлась торговля. Как справедливо отметил И.Э. Магадеев, «в 1920–1924 гг. торгово-экономические отношения Советского государства со странами Запада были составной частью более широкого вопроса о восстановлении европейской экономики, пострадавшей от Первой мировой войны, а также связанных с ней социальных и политических потрясений» [Война, революция, мир., 2019: 389]. В то же время видение путей этого восстановления, оценки степени взаимозависимости между решением собственных экономических проблем и возрождением хозяйственных связей на Европейском континенте, а также потенциала развития торговых отношений с Россией для стран Запада и со странами Запада для России отличались неопределенностью и изменчивостью.

Довоенный период характеризовался бурным развитием экономических взаимосвязей в мировом масштабе, что позволяет исследователям говорить о первой глобализации применительно к концу XIX — началу XX в. Вместе с тем предвоенные десятилетия

³² Оpubл. в: Ullman R.H. Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet accord. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972. P. 474–478.

стали временем острейшего экономического противоборства между наиболее мощными европейскими державами, которое послужило одной из важных причин Первой мировой войны. На ее завершающей стадии ослабленная Россия стала рассматриваться лидерами двух противостоявших друг другу блоков как объект экономического соперничества. В германских правящих кругах надеялись, что продвижение на Восток и использование хозяйственных ресурсов бывшей Российской империи позволит переломить ситуацию в войне в их пользу, а в Великобритании стремились этому помешать. Вместе с тем в ходе обсуждения революционных событий в России в британском правительстве звучала мысль о том, что ставка на победителей во внутренней борьбе, развернувшейся на территории бывшей Российской империи, позволит Великобритании играть решающую роль в ее экономическом освоении [Война, революция, мир., 2019: 95–97, 114–134]. Отчасти восприятие России как потенциального объекта экономической эксплуатации сохранилось в Лондоне и Берлине и в первые послевоенные годы.

Большую заинтересованность в развитии торгово-экономических связей с Советской Россией продолжала проявлять Германия, которая видела в этом возможность хотя бы частично компенсировать поражение в Первой мировой войне и смягчить крайне негативные для страны последствия Версальского мира. Почти сразу после его подписания в германском Министерстве иностранных дел был подготовлен меморандум, где говорилось о политических и экономических выгодах дружественных отношений с Россией. Политическое взаимопонимание могло бы обеспечить Берлину «поддержку против западных держав», а экономическое сотрудничество открывало пути для использования сырьевых ресурсов России и в то же время обширный рынок для сбыта германской промышленной продукции [Cameron, 2005: 8].

Однако первой из великих держав, заключивших с Советской Россией торговое соглашение, стала Великобритания. Среди мотивов этого шага были и стремление открыть потенциальный русский рынок для британских товаров, и намерение правительства Д. Ллойд Джорджа выбить козырь из рук лейбористов, которые критиковали находившуюся у власти либерально-консервативную коалицию за отказ от попыток нормализовать отношения с Москвой, и надежда на возможность воздействовать на советскую политику посредством экономических рычагов.

Вместе с тем попытки Д. Ллойд Джорджа вернуть Россию в систему хозяйственных связей могут рассматриваться как составная часть политики, направленной на преодоление последствий войны, среди наиболее болезненных из которых для Лондона было экономическое ослабление по отношению к США и угроза утраты положения ядра мировой экономической системы. Хорошо известно, что за годы войны США превратились из страны-должника в страну-кредитора, а внешний долг Великобритании перед Вашингтоном превышал сумму в 4 млрд долл. Ситуация осложнялась ростом зависимости от импорта продовольствия и сырья из США. Хотя и до начала войны заокеанская держава выступала ведущим экспортером товаров в Великобританию, отрицательное сальдо торгового баланса покрывалось доходом от британских инвестиций в американскую экономику. За годы войны Лондон потерял эти источники дохода, Вашингтон превратился из должника в кредитора, а стоимость импорта из США в Великобританию в 1920 г. возросла в четыре раза по сравнению с 1913 г.³³ При этом США стали ведущим поставщиком пшеницы на Британские острова³⁴. В таких условиях обеспечение экспорта пшеницы из России позволяло надеяться на сокращение зависимости Великобритании, да и других европейских стран от заокеанского партнера. Этот аргумент приводил Д. Ллойд Джордж в беседе с главами итальянского и французского правительств — Ф. Нитти и Ж. Клемансо, убеждая их в необходимости снятия блокады с Советской России [Gardner, 1987: 271]. О том, что «высокая сельскохозяйственная производительность России, Сибири и Балкан» является возможностью для выживания Великобритании в ситуации, с одной стороны, ее несамодостаточности в обеспечении продовольствием и сырьем, а с другой — изменения ее экономического положения по отношению к США, писал в 1921 г. известный публицист Н. Энджел³⁵.

Д. Ллойд Джордж считал важным не только наладить двусторонние торговые связи с Россией, но и реинтегрировать ее в систему европейских торговых обменов. Закономерно, что именно

³³ The Statesman's year-book 1921 / Ed. by J.S. Kettle, M. Epstein. London: Macmillan, 1921. P. 71.

³⁴ The Statesman's year-book 1923 / Ed. by J.S. Kettle, M. Epstein. London: Macmillan, 1923. P. 74.

³⁵ Angell N. The fruits of victory. A sequel to the Great Illusion. London: W. Collins Sons and Co Ltd., 1921. P. 21–22.

британский премьер-министр выдвинул проект восстановления европейской экономики, который попытался частично реализовать на Генуэзской конференции. Как крупнейший импортер и экспортер, а также поставщик финансовых услуг Великобритания была заинтересована в динамично развивавшемся европейском рынке. Промышленные страны Западной Европы нуждались в сырье и продовольствии, одним из традиционных поставщиков которого была Россия. Кроме того, здесь они могли найти возможности для сбыта своей продукции. Важной проблемой, препятствовавшей восстановлению экономик европейских государств после войны, было их обременение долгами и репарациями. После того как США категорически отказались от списания долгов, решение этой проблемы Д. Ллойд Джордж видел в открытии русского рынка для компаний западноевропейских стран, в том числе Германии. За счет его эксплуатации, по мысли британского премьер-министра, Берлин мог получить средства для репарационных выплат, поступление которых позволило бы облегчить для стран — победительниц в Первой мировой войне лежавшее на них долговое бремя. Частичное совпадение британских и германских интересов легло в основу идеи международного консорциума для эксплуатации ресурсов России, которая, однако, оказалась фактически мертворожденной [Orde, 1990: 160–182].

Проект Д. Ллойд Джорджа, исповедовавшего, по словам американского исследователя Р. Ульмана, «торговую концепцию международных отношений», которая основывалась на представлении о государствах как рынках и вере британского премьер-министра в «цивилизаторское воздействие торговли» [Ullman, 1972: 463], не был реализован в силу целого ряда обстоятельств. Желание частных инвесторов получить прибыли от освоения русского рынка и опасения, что в случае промедления их на этом пути обгонят предприниматели из других стран, соседствовали с сомнениями в целесообразности и безопасности вложений в Россию. Многие признавали, что в условиях разрухи, царившей в ее экономике после революции и Гражданской войны, ждать быстрого подъема производства было бы утопией. Причем об этом говорили не только многие консерваторы, непримиримо настроенные по отношению к Советской России, но и сочувствовавший планам Д. Ллойд Джорджа министр торговли Р. Хорн³⁶.

³⁶ The Times. 10.03.1921.

Потенциальные инвесторы сомневались в способности новых российских властей наладить хозяйство и опасались за сохранность своего капитала, учитывая прецеденты национализации собственности и отказа от выплат по займам. В то же время европейские правительства не были готовы пойти по пути предоставления сколько-нибудь значительных кредитов Советской России или гарантии частных инвестиций, отчасти оставаясь в плену довоенных представлений классического либерализма о невмешательстве государства в экономику, отчасти не обладая ресурсами для реализации этого проекта, сопряженного с высокими рисками [Skidelsky, 2003: 303–306; Mazower, 1999: 107–108]. Сам Д. Ллойд Джордж, по мнению британской исследовательницы Э. Орд, довольно быстро отошел от мысли о том, что Россия является ключевым фактором в экономическом восстановлении Европы, и рассматривал ее реинтеграцию в систему хозяйственных связей скорее как условие политической стабилизации [Orde, 1990: 195–196].

Советское правительство было заинтересовано в развитии торгово-экономических связей с Западом, стремясь за счет западных инвестиций, прибыли от своего экспорта и закупок машин и оборудования возродить экономику страны, а затем начать индустриализацию. В то же время, осознавая определенные опасности присутствия капиталистических элементов в экономике в связи с переходом к НЭПу и курсом на развитие торговли с Западом, Москва была полна решимости не допустить реализации плана, который, по уже приведенным выше словам Г.В. Чичерина, состоял в том, чтобы «навязать нам отказ от наших советских принципов и насильно втянуть в семью буржуазных народов»³⁷. Советское руководство твердо придерживалось курса на монополию внешней торговли, которую рассматривало как «необходимое орудие против экономически более сильных буржуазных стран в условиях капиталистического окружения», не шло на бесконтрольное предоставление концессий западным предпринимателям [Война, революция, мир..., 2019: 411;

³⁷ Чичерин — Ленину, 13 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Переписка Чичерина с Лениным по вопросам подготовки к Генуэзской конференции. 07.01.1922 — 17.03.1922. Л. 15. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaia-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

Шишкин: 2002: 123–126], активно играло на существовавших между странами Запада экономических противоречиях³⁸.

На протяжении 1920-х годов внешнеторговый оборот СССР с западноевропейскими государствами рос. С точки зрения российского исследователя В. Шишкина, применительно к 1920-м годам неверно говорить об экономической изоляции России. «Во второй половине [19]20-х мы [СССР] так или иначе участвовали в международном разделении труда и пользовались его преимуществами» [Шишкин, 1988: 29]. В Советском Союзе изучали опыт западных стран в организации промышленности, прибегали к услугам западных технических специалистов. Хотя Москве не удавалось получить крупные кредиты, всё-таки небольшие преимущественно краткосрочные займы, прежде всего со стороны Германии, способствовали развитию экономики [Шишкин, 1988: 29; см. также: Кагарлицкий, 2009: 448–473]. О взаимовыгодной торговле Германии с СССР писал А.А. Ахтамзян [Ахтамзян, 1988].

В то же время не стоит преувеличивать значение торгово-экономического взаимодействия. Внешнеторговый оборот СССР существенно уступал объемам внешней торговли Российской империи. Основными торговыми партнерами Советского Союза из числа европейских великих держав оставались Великобритания и Германия. Однако внешнеторговый оборот этих государств с СССР не мог сравниться с объемами их торговли с другими странами. Так, для Германии основными торговыми партнерами были США, Великобритания, Голландия, Франция, Италия, Швеция; а для Великобритании — США, доминионы и Индия, Аргентина, а из европейских стран — Германия и Франция³⁹. Вряд ли возможно говорить о сколько-нибудь значимой роли советской экономики в экономическом восстановлении Европы. К середине 1930-х годов еще

³⁸ Например, в преддверии Генуэзской конференции Г.В. Чичерин писал В.И. Ленину о выгодах положения Советской России благодаря «развалу буржуазного мира», выгодах, которые «остаются до тех пор, пока мы остаемся для всех желанными и никому не даемся в руки. Как только мы свяжемся с какой-нибудь одной из борющихся комбинаций, <...> мы и потеряем все свои выгоды. И все наше дипломатическое умение здесь заключается в том, чтобы мы играли, а не нами играли». Там же. Л. 15–16. См. также: Раковский — в Политбюро ЦК РКП, б.д. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Описание 1. Д. 3. П. 1. Л. 1–2. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaia-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

³⁹ Mitchell B.R. *European historical statistics 1750–1975*. 2nd ed. New York: Facts on File, 1980. P. 548, 582, 600.

более четко обозначилось обособление СССР от мирового хозяйства. Отчасти это можно объяснить влиянием мирового экономического кризиса, однако, как указывают ряд исследователей, тенденции к этому наметились еще в середине — второй половине 1920-х годов.

В значительной степени это было связано с процессами стабилизации в Западной Европе. Принятие «плана Дауэса», Локарнские соглашения способствовали некоторому снижению напряженности между победителями и побежденными. Экономика Германии стала быстро восстанавливаться в значительной степени за счет американских и британских займов. Хотя в советской риторике присутствовал тезис об углублении кризиса капитализма, развитие событий в середине 1920-х годов, казалось, могло служить подтверждением прогноза, данного К. Каутским еще в 1914 г., о наступлении ультраимпериализма, выражением которого на международной арене было «создание священного союза империалистов»⁴⁰.

Перспективы экономического взаимодействия с СССР всё в большей степени расценивались на Западе как не сулившие серьезных дивидендов. Политические расчеты в развитии отношений с СССР очевидно стали превалировать над экономическими. Это проявилось, например, в процессе заключения советско-германского торгового договора в 1925 г., который, по оценке Берлина, имел прежде всего политическое значение [Morgan, 1963: 254; Cameron, 2005: 21]. Если в первой половине 1920-х годов в Веймарской республике надеялись на эволюцию большевистского режима и более тесное вовлечение в систему мирового капиталистического хозяйства, то к 1926 г. во внешнеполитическом ведомстве пришли к выводу, что СССР развивается в самодостаточную, слабо связанную с мировым рынком экономику [Cameron, 2005: 21]⁴¹. Глава Восточного департамента германского Министерства иностранных дел Э. Вальрот предрекал, что если состояние экономики СССР не улучшится, то он исчезнет как фактор в экономических комбинациях его соседей и будет играть ничтожную роль в политике Германии и других государств [Dyck, 1966: 71].

⁴⁰ Kautsky K. Ultra-imperialism (September 1914) // Marxists Internet Archive. Available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (accessed: 30.06.2022).

⁴¹ А.А. Ахтамзян несколько по-иному расставлял акценты, рассматривая советско-германские экономические отношения в 1920-е — начале 1930-х годов, подчеркивая взаимную заинтересованность двух стран в их развитии [Ахтамзян, 1988].

На сложность оценки финансово-экономического положения СССР указывал в подготовленном в феврале 1925 г. меморандуме сотрудник британского Министерства иностранных дел У. Стрэнг. Так, более расположенные к СССР представители британского общества отмечали его успехи в восстановлении хозяйства. Противники советской системы, наоборот, утверждали, что развитие было бы более быстрым при любом другом режиме, отрицали рост национального богатства, полагая, что Советское государство выживает за счет накопленных до революции ресурсов. Сам автор документа, очевидно, не решался вынести категоричное суждение, подчеркивая кардинальное отличие советской системы от западной и настолько необычные условия, господствовавшие в СССР, при которых значение даже, на первый взгляд, очевидных фактов не могло быть понято без тщательного изучения⁴². Подобные неопределенность и неясность перспектив, безусловно, не способствовали масштабному торгово-экономическому взаимодействию.

В Москве сближение ведущих промышленных держав расценивалось как имевшее антисоветскую направленность. В советском руководстве выдвигали тезис о подготовке Запада к войне с СССР, создании блока антисоветских государств. В условиях сглаживания противоречий между западными державами и более активного экономического присутствия США на европейском рынке казалось, что ценность Советского Союза как потенциального партнера для европейских государств уменьшалась. Летом 1925 г. в газете «Известия» Г.В. Чичерин писал об английской политике единого фронта, который создавался против СССР и в которую Великобритания пыталась втянуть прибалтийские государства, Швецию и Данию⁴³.

Международные процессы подталкивали Советский Союз к ускоренной индустриализации. Хотя ее конечной целью были преодоление зависимости от стран Запада и устранение опасности превращения СССР в экономический придаток капиталистического мира, экономическое взаимодействие с наиболее развитыми капиталистическими странами в период индустриализации не исключалось, а даже приветствовалось. При этом в ходе внутрипартийных

⁴² A survey of the financial and economic situation in the Soviet Union (December 1924), by W. Strang. 27 Feb. 1925 // TNA. Cab 24/172/81.

⁴³ Чичерин Г.В. Повсеместная подготовка, 29 июля 1925 г. // Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. С. 421–426.

дискуссий постоянно подчеркивалось, что «нам нужны такие связи и такое расширение связей с внешним миром, которые не опасны для самостоятельного экономического развития нашей страны»⁴⁴. Рассмотрение внешнеэкономических связей как одного из важных источников индустриализации и тезис о жизненной необходимости для Советского Союза в силу этого сохранения мира с капиталистическими странами соседствовал с опасениями, что «период мирного сожительства [между СССР и капиталистическими странами] уходит в прошлое»⁴⁵ [Кен, Рупасов, 2000: 70–71].

Как видно на примере развития торгово-экономических отношений СССР с западными странами, экономическое взаимодействие во многом рассматривалось как средство достижения политических целей. Для Москвы речь шла о сохранении и укреплении государства в окружении, которое воспринималось как глубоко враждебное. Призрак войны витал над отношениями СССР и западных стран и подкреплял отмеченную еще в 1916 г. Ф. Науманном тенденцию к созданию достаточно крупных замкнутых экономических систем, самодостаточных в ситуации военного конфликта⁴⁶.

* * *

Рассмотрение торгово-экономических связей СССР и западноевропейских стран ставит под вопрос гипотезы тех историков, которые видят в событиях становления Версальской системы параллели с однополярным моментом конца 1980-х — начала 1990-х годов или говорят о развитии тенденций к миру растущей взаимозависимости. Более убедительной представляется характеристика межвоенного периода как времени деглобализации и безвозвратной утраты Европой своего экономического превосходства, данная в «Кембриджской экономической истории современной Европы» [The Cambridge economic history of modern Europe, 2010: 1–2]. При этом не только Русская революция в масштабах Европы была антиглобализационным по своей сути явлением. Показательно и то, что британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж не смог найти поддержку своим планам экономической реконструкции Европы на Генуэзской конференции.

⁴⁴ Из речи И.В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б), 9 апреля 1926 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч. 1 / Сост. С.С. Хромов. М.: Институт российской истории РАН, 1997. С. 112.

⁴⁵ Политический отчет ЦК // XV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 47.

⁴⁶ Naumann F. Central Europe. New York, 1917. P. 179–181.

Как в вопросах, связанных с восстановлением европейского хозяйства, так и в сфере европейской политики взаимоотношения Советской России, а затем и Советского Союза с западноевропейскими странами носили двойственный характер. Не будучи участником Парижской и Вашингтонской конференций и соответственно подписантом выработанных в их ходе договоров, а также не являясь до 1934 г. членом Лиги Наций, Советское государство не было в полной мере интегрировано в Версальско-Вашингтонскую политико-правовую систему, но в то же время в силу географического положения, размеров территории, демографического, ресурсного потенциала, исторической традиции пребывания на протяжении двух столетий в числе великих держав его полная изоляция от системы также не была возможна. Советская Россия/СССР, как было указано выше, рассматривалась другими державами как элемент европейского баланса сил, что проложило путь для установления дипломатических отношений с европейскими странами. Закрепление в советской политике с середины 1920-х курса на поддержание мира для обеспечения успеха социалистического строительства способствовало мероприятиям, которые вели к некоторой интеграции СССР с существовавшим порядком.

Вместе с тем на стадии формирования этого порядка в результате революции в России и распада европейских империй был заложен ряд проблем, которые так и не были разрешены в его рамках. Даже в отношении Версальского договора — важнейшего правового акта, лежавшего в основе системы международных отношений, сформировавшейся по результатам Первой мировой войны, историки порой прибегают к определению, данному ему французским исследователем Ж. Барьети, как «продолжающегося творения», указывая на то, что пути исполнения ряда его положений не были предначертаны самим текстом, а находились в зависимости от развития международной ситуации [Магадеев, 2014: 41–42].

Еще большей неопределенностью отличалась ситуация на Востоке Европы, где не были зафиксированы даже исходные параметры системы. В обзоре международных событий за 1920–1923 гг. А. Тойнби писал о 13 странах с населением 104 млн человек, занимавших территорию между Германией и Италией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. «Тот факт, — отмечал британский историк и публицист, — что около 80 млн из этих 104 млн были оторваны почти одномоментно от трех великих империй, которые до этого

заполняли восточноевропейский пейзаж, и одна из этих империй прекратила свое существование, а две другие были лишены части территорий и претерпели внутренние преобразования, дает некоторое представление о революции, которая свершилась в регионе в период с августа 1914 по январь 1920 г. Основы старого политического и экономического порядка были разрушены, и невозможно было предсказать, где, когда и каким образом будут заложены новые основания международного взаимодействия в Восточной Европе»⁴⁷.

Сразу после окончания Первой мировой войны сотрудники Форин офис высказывали мысль о шаткости любых построений в Восточной Европе до неизбежного возрождения России и Германии как наиболее мощных держав региона⁴⁸. Вместе с тем утверждение большевиков у власти в России, опасения возрождения германского экспансионизма на Востоке, а также сотрудничества Москвы и Берлина стали источником проводимой Францией и Великобританией политики «санитарного кордона» — поддержки буферных государств, возникших между Россией и Германией. Такая политика была направлена на то, чтобы ограничить реальное и потенциальное влияние этих двух прежде великих европейских держав за пределами собственных урезанных территорий. Таким образом, на части земель, входивших ранее в состав трех восточных империй или в сферу их преимущественного влияния, складывался регион, который стал рассматриваться как значимый для интересов Франции и Великобритании и в дела которого поэтому они вовлекались.

При этом сами страны «санитарного кордона» вряд ли могли рассматриваться как полноценная опора системы международных отношений на Востоке Европы. Это хорошо заметно на примере одной из наиболее сильных стран Восточного барьера — Польши. Г.Ф. Матвеев и Е.Ю. Матвеева убедительно продемонстрировали несостоятельность тезиса, выдвинутого рядом польских историков, о правомерности определения системы, сложившейся после Первой мировой войны в Центрально-Восточной Европе, как Версальско-Рижской — по названию Рижского договора, заключенного в 1921 г. между Польшей и Советской Россией [Матвеев, Матвеева, 2020: 130]. Претендовавшая на великодержавный статус и на то, чтобы играть доминирующую роль в регионе, Польша этой цели в меж-

⁴⁷ Toynbee A.J. Survey of international affairs 1920–1923. P. 204.

⁴⁸ Poland, Foreign Office Memorandum, 9 December 1918 // TNA. Cab 29/2. F. 203.

военный период не достигла. Она не стала региональным лидером, не преуспев в деле объединения вокруг себя восточноевропейских государств. Британский посол в Берлине лорд д'Абернон в период советско-польской войны писал о зависимости Польши, окруженной со всех сторон враждебными государствами, от Лондона и Парижа⁴⁹. Готовность же Великобритании и Франции поддерживать малые страны Восточной Европы, хотя и присутствовала, носила, особенно у Лондона, ограниченный характер. Показательно в этом отношении высказывание О. Чемберлена в период подготовки Локарнских соглашений о том, что на Востоке Великобритания выступает лишь как «незаинтересованный наблюдатель» и ее безопасность напрямую не связана, например, с безопасностью Румынии [Bakić, 2013: 27]. Не отказываясь, тем не менее, полностью от провозглашенной еще в ходе мировой войны идеи организации Восточной Европы на основе принципа национальностей, Великобритания и Франция в своей политике в регионе оглядывались как на Берлин, так и на Москву. При этом тенденцией, наметившейся в эпоху Локарно и отчасти нашедшей развитие в умиротворении 1930-х годов, был поиск «концертных» решений с Германией [Родин, 2021]. Фактор же Советского Союза воспринимался (прежде всего Францией) скорее как подстраховка в случае чрезмерного роста претензий Берлина.

Для СССР появление новых государств на западных границах поставило проблему выработки отношения к ним. Являясь потенциальным ревизионистом в отношении западных границ и в соответствии с концепцией мировой революции рассматривая их как временные и преходящие, советское руководство вместе с тем в условиях утверждения курса на мирное сосуществование не переводило этот ревизионизм в сферу практической политики, не ставя перед собой задачу советизации сопредельных государств или захвата их территорий [Кен, Рупасов, 2000: 72; Худoley, 2012: 94]. Действия Советов на этом направлении были продиктованы скорее ощущением собственной уязвимости. В Москве опасались создания направленного против СССР блока западных государств под эгидой Великобритании и США, готового втянуть в орбиту своей политики лимитрофов. Малые страны, особенно с середины 1920-х годов, воспринимались как потенциальный плацдарм для

⁴⁹ D'Abernon to Curzon, 2 November 1920 // Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 629. P. 651.

нападения на СССР [Магадеев, 2022: 164]. В этих условиях политика советского руководства была направлена прежде всего на то, чтобы не допустить формирования антисоветского блока из государств Восточной Европы. При этом Советский Союз играл как на противоречиях самих восточноевропейских стран, так и на различных интересах других держав в этом регионе. Примечательно, что интеграция Германии в Версальскую систему в середине 1920-х годов побудила СССР к большей осторожности. Так, неудачей закончились попытки германской дипломатии склонить Москву к принятию на себя обязательств антипольского характера. В стремлении избежать обострения советско-польских отношений в беседе с германским послом У. Брокдорфом-Ранцау, отвергая немецкие инициативы, Г.В. Чичерин подчеркивал исключительно оборонительные цели СССР, отмечая, что страна заинтересована в стабильной ситуации на своих границах и предотвращении использования Польши в качестве «тарана Великобритании» [Дуск, 1966: 71].

Положение в Восточной Европе было показательным с точки зрения отношений СССР и западных стран в 1920-е годы. Так, Советская Россия, выдвинув в ходе революции проект трансформации всей системы международных отношений, была, очевидно, не в силах его реализовать и превращалась в державу статус-кво. Вместе с тем ощущение, часто небезосновательное, враждебности со стороны западного мира, стремление сохранить свой уникальный социально-экономический строй удерживали Москву от попыток осуществить сколько-нибудь глубокую интеграцию с Версальской системой. Руководство стран Запада при всех различиях своей политики на восточноевропейском направлении, разочаровавшись в перспективах эволюции советского режима, несмотря на юридическое признание СССР, испытывало в его отношении определенную отчужденность. Невозможность предсказать то, как в дальнейшем будет развиваться Страна Советов, и осознание сложности контроля над ситуацией в Восточной Европе стали важными факторами, побудившими ведущую из европейских держав — Великобританию — пойти по пути разработки системы европейской безопасности без СССР⁵⁰, что воплотилось в Локарнских соглашениях 1925 г.

⁵⁰ British policy considered in relation to the European situation, memorandum by Nicolson, 20 Feb. 1925 // TNA. Cab 24/172/6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922–1932 // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 42–56.
2. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925 / Под ред. А.В. Ревякина. М.: Аспект Пресс, 2019.
5. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1–2. СПб.: РХГА, 2021.
6. Всемирная история: В 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2017.
7. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: Издательство ИТРК, 2012.
8. Драгилев М.С. Общий кризис капитализма. М.: Госполитиздат, 1957.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, 2009.
10. Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб.: Европейский Дом, 2000.
11. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1969. С. 299–426.
12. Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021.
13. Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61.
14. Магадеев И.Э. Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 161–176. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176.
15. Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Рецензия на: Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019 // Славяноведение. 2020. № 3. С. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7.

16. Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921). М.: Модест Колеров, 2019.

17. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004.

18. Нежинский Л.Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 89–105.

19. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Маныкин. М.: Издательство Московского университета, 2014.

20. Родин Д.В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

21. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

22. Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год. М.: МАКС Пресс, 2019.

23. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

24. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.

25. Худолей К.К. Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 6. Вып. 3. С. 88–102.

26. Шишкин В.А. О внешнем факторе социально-экономического развития страны // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 28–32.

27. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб: Дмитрий Буланин, 2002.

28. Bakić D. 'Must will peace': The British brokering of 'Central European' and 'Balkan Locarno', 1925–9 // Journal of Contemporary History. 2013. Vol. 48. No. 1. P. 24–56. DOI: 10.1177/0022009412461814.

29. The Cambridge economic history of modern Europe. Vol. 2. 1870 to the present / Ed. by S. Broadberry, K.H. O'Rourke. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

30. Cameron J.D. To transform the revolution into an evolution: Underlying assumptions of German foreign policy toward Soviet Russia, 1919–27 // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 7–24.

31. Carley M.J. Episodes from the early Cold War: Franco-Soviet relations, 1917–1927 // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 7. P. 1275–1305. DOI: 10.1080/713663134.

32. Carley M.J. Silent conflict. A hidden history of early Soviet-Western relations. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2014.

33. Davis D., Trany E. *The First Cold War: The legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet relations*. Columbia, London: University of Missouri Press, 2002.
34. Deutsch K.W., Singer J.D. *Multipolar power systems and international // World Politics*. 1964. Vol. 16. No. 3. P. 390–406.
35. Dyck H.L. *German-Soviet relations and the Anglo-Soviet break, 1927 // Slavic Review*. 1966. Vol. 25. No. 1. P. 67–83.
36. Gardner L.C. *Safe for democracy. The Anglo-American response to Revolution, 1913–1923*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.
37. Hobsbawm E. *Age of extremes. The short twentieth century 1914–1991*. London: Abacus, 1995.
38. Jacobson J. *When the Soviet Union entered world politics*. Berkeley: University of California Press, 1994.
39. Kennan G.F. *The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations, 1875–1890*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979.
40. Kennan G.F. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Toronto: Little, Brown and Co, 1961.
41. Mayer A., *Wilson vs Lenin, political origins of the new diplomacy, 1917–1918*. Cleveland, New York: Meridian Books, 1963.
42. Mazower M. *Dark continent. Europe's twentieth century*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
43. Morgan R.P. *The political significance of the German-Soviet trade negotiations, 1922–5 // The Historical Journal*. 1963. No. 2. P. 253–257.
44. Motyl A. *Sovietology, rationality, nationality: Coming to grips with nationalism in the USSR*. New York: Columbia University Press, 1990.
45. Mulligan W. *The great war for peace*. New Haven, London: Yale University Press, 2014.
46. Orde A. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
47. Schmitt K. *Der Begriff des Politischen (1927) // Schmitt K. Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. S. 67–74.
48. Schmitt K. *Der Völkerbund von Europa (1928) // Schmitt K. Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. S. 88–96.
49. Skidelsky R. *John Maynard Keynes, 1883–1946: Economist, philosopher, statesman*. New York: Penguin Books, 1999.
50. Smith A.L. *The German general staff and Russia, 1919–1926 // Soviet Studies*. 1956. Vol. 8. No. 2. P. 125–133.
51. Tooze A. *The Deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London: Allen Lane, 2014.
52. Ullman R.H. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Vol. 3. *The Anglo-Soviet accord*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.

REFERENCES

1. Akhtamzyan A.A. 1988. Sovetsko-germanskies ekonomicheskies otnosheniya v 1922–1932 [Soviet-German economic relations in 1922–1932]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 42–56. (In Russ.)
2. Bystrova N.E. 2016. 'Russkii vopros' v 1917 — nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy [The Russian question in 1917 — early 1920: Soviet Russia and the great powers]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)
3. Vatlin A.Yu. 2009. *Komintern: idei, resheniya, sud'by* [Comintern: Ideas, decisions, fates]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
4. Revyakin A.V. (ed.). 2019. *Voina, revolyutsiya, mir. Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. 1915–1925* [War, revolution, peace. Russia in international relations. 1915–1925]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
5. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, friend, ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924]. Vols. 1–2. St. Petersburg, RKhGA Publ. (In Russ.)
6. Chubar'yan A.O. (ed.). 2017. *Vsemirnaya istoriya. Tom 6: Mir v XX veke: epokha global'nykh transformatsii: Kniga 1* [World history. Vol. 6: World in the 20th century. The age of global transformations: Book 1]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Grosul V.Ya. 2012. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The creation of the USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)
8. Dragilev M.S. 1957. *Obshchii krizis kapitalizma* [General crisis of capitalism]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
9. Kagarlitskii B.Yu. 2009. *Periferiinaya imperiya: tsikly russkoi istorii* [The Empire of the periphery: Cycles of Russian history]. Moscow, Algoritm Publ. 2009. (In Russ.)
10. Ken O., Rupasov A. 2000. *Politbyuro TsK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentariya. Chast' 1. Dekabr' 1928 — iyun' 1934 g.* [Political bureau of the Central Committee of the Bolsheviks party and relations of the USSR with Western neighboring states (late 1920s — 1930s): Issues, documents, commentary. Part 1. December 1928 — June 1934]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ. (In Russ.)
11. Lenin V.I. 1969. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism as the highest stage of capitalism]. In: Lenin V.I. *Collected works*, 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 27, pp. 299–426. (In Russ.)
12. Magadeev I.E. 2021. *V teni Pervoi mirovoi voiny: dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European security in the 1920s]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Magadeev I.E. 2014. 'Vtoraya tridtsatiletnyaya voina' 1914–1945 gg.? O nekotorykh osobennostyakh razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Evrope na puti ko Vtoroi mirovoi voine [Second Thirty Years War of 1914–1945? Some features of international relations on the way to the Second World War]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 34–61. (In Russ.)

14. Magadeev I.E. 2022. Rol' stran Baltii v sovetsko-frantsuzskikh otnosheniyaх perioda nepriznaniya, 1919–1924 gg. [Role of the Baltic republics in Soviet-French relations during the non-recognition period, 1919–1924]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 161–176. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176. (In Russ.)

15. Matveev G.F., Matveeva E.Yu. 2020. Retsenziya na Mezga N.N. Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya. Gomel', 2019 [Book review of Mezga N.N. Soviet-Polish relations of 1921–1926: A new stage of confrontation. Gomel, 2019]. *Slavyanovedenie*, no. 3, pp. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7. (In Russ.)

16. Mukhanov V.M. 2019. *Kavkaz v perelomnuyu epokhu (1917–1921)* [Caucasus at a turning point (1917–1921)]. Moscow, Modest Kolerov Publ. (In Russ.)

17. Nezhinskii L.N. 2004. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godakh* [In the interests of the people or against them? Soviet international politics in 1917–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Nezhinskii L.N. 1994. U istokov bol'shevistsko-unitarnoi vneshnei politiki (1921–1923 gg.) [At the origins of the Bolshevik unitarian policy (1921–1925)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 89–105. (In Russ.)

19. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the destinies of the European civilization]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

20. Rodin D.V. 2021. *Proekty 'novykh Lokarno' v anglo-germanskikh otnosheniyaх vo vtoroi polovine 1920-kh godov* ['New Locarno' projects in Anglo-German relations in the second half of the 1920s]. PhD Thesis. Moscow (In Russ.)

21. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu*. [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: From intervention to recognition]. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Setov R.A. 2019. *Tektonika voyny. 1939 god* [Tectonics of the war. 1939]. Moscow, MAKSPress, 2019. (In Russ.)

23. Tooze A. 2014. *The deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London, Allen Lane [Russ. ed.: Tuz A. 2019. *Vsemirnyi potop. Velikaya voina i pereustroistvo mirovogo poryadka, 1916–1931*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara].

24. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-kh gg.* [Soviet state at international conferences, 1920–1930s].

Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

25. Khudolei K.K. 2012. Baltiiskii neitralitet i sovetskii faktor v 1920–1930-e gody [Neutrality of the Baltic states and the Soviet factor in 1920–1930s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 6, iss. 3, pp. 88–102. (In Russ.)

26. Shishkin V.A. 1988. O vneshnem faktore sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany [On the external factor of socio-economic development of the country]. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 28–32. (In Russ.)

27. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revolyutsionnogo 'zapadnichestva' k 'natsional-bol'shevizmu'* [The formation of foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: From the revolutionary 'westernism' to 'national-bolshevism']. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)

28. Bakić D. 2013. 'Must will peace': The British brokering of 'Central European' and 'Balkan Locarno', 1925–9. *Journal of Contemporary History*, vol. 48, no. 1, pp. 24–56. DOI: 10.1177/0022009412461814.

29. Broadberry S., O'Rourke K.H. (eds.). 2010. *The Cambridge economic history of modern Europe. Vol. 2. 1870 to the Present*. Cambridge, Cambridge University Press.

30. Cameron J.D. 2005. To transform the revolution into an evolution: Underlying assumptions of German foreign policy toward Soviet Russia, 1919–27. *Journal of Contemporary History*, vol. 40, no. 1, pp. 7–24.

31. Carley M.J. 2000. Episodes from the early Cold War: Franco-Soviet relations, 1917–1927. *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no. 7, pp. 1275–1305. DOI: 10.1080/713663134.

32. Carley M.J. 2014. *Silent conflict. A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.

33. Davis D., Trany E. 2002. *The First Cold War: The legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet relations*. Columbia, London, University of Missouri Press.

34. Deutsch K.W., Singer J.D. 1964. Multipolar power systems and international. *World Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 390–406.

35. Dyck H.L. 1966. German-Soviet relations and the Anglo-Soviet break, 1927. *Slavic Review*, vol. 25, no. 1, pp. 67–83.

36. Gardner L.C. 1987. *Safe for democracy. The Anglo-American response to revolution, 1913–1923*. New York, Oxford, Oxford University Press.

37. Hobsbawm E. 1995. *Age of extremes. The short twentieth century 1914–1991*. London: Abacus.

38. Jacobson J. 1994. *When the Soviet Union entered world politics*. Berkeley, University of California Press.

39. Kennan G.F. 1979. *The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations, 1875–1890*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

40. Kennan G.F. 1961. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Toronto, Little, Brown and Co.
41. Mayer A. 1963. *Wilson vs Lenin, political origins of the new diplomacy, 1917–1918*. Cleveland, New York, Meridian Books.
42. Mazower M. 1999. *Dark continent. Europe's twentieth century*. New York, Alfred A. Knopf.
43. Morgan R.P. 1963. The political significance of the German-Soviet trade negotiations, 1922–5. *The Historical Journal*, no. 2, pp. 253–257.
44. Motyl A. 1990. *Sovietology, rationality, nationality: Coming to grips with nationalism in the USSR*. New York, Columbia University Press.
45. Mulligan W. 2014. *The great war for peace*. New Haven, London, Yale University Press.
46. Orde A. 1990. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge, Cambridge University Press.
47. Schmitt K. 1940a. Der Begriff des Politischen (1927). In: Schmitt K. *Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt. S. 67–74.
48. Schmitt K. 1940b. Der Völkerbund von Europa (1928). In: Schmitt K. *Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt, S. 88–96.
49. Skidelsky R. 1999. *John Maynard Keynes 1883–1946: Economist, philosopher, statesman*. New York, Penguin Books.
50. Smith A.L. 1956. The German general staff and Russia, 1919–1926. *Soviet Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 125–133.
51. Tooze A. 2014. *The deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London, Allen Lane.
52. Ullman R.H. 1972. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet accord*. Princeton, N.J., Princeton University Press.